

Интернет-журнал «Мир науки» ISSN 2309-4265 <http://mir-nauki.com/>

Выпуск 2 - 2015 апрель — июнь <http://mir-nauki.com/issue-2-2015.html>

URL статьи: <http://mir-nauki.com/PDF/14FILSMN215.pdf>

УДК 101.1:316

Вершилов Сергей Анатольевич

ФГКВОУ ВПО «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е.Жуковского и Ю.А.Гагарина»

Филиал в г. Краснодар

Россия, Краснодар

Доцент кафедры боевой подготовки и безопасности полётов

Кандидат философских наук

E-mail: vershil@mail.ru

Типологическая интерпретация военной безопасности российского государства

Аннотация. Статья посвящена анализу типологии военной безопасности российского государства. Автор презентует на деятельностном уровне защитное и предупредительное объяснения; на идеологическом – интерналистское и экстерналистское толкования; на ценностном – этатистскую и антропоцентристскую интерпретации военной безопасности российского государства. Особое внимание обращено на проявление осведомлённости российского социума о своей уязвимости и формирование им адекватного ответа. Формулируется вывод, что указанные типы военной безопасности объединяет их идеальность, а не существование в «чистом виде».

Ключевые слова: военная безопасность; деятельностный, идеологический и ценностный уровни; защитное и предупредительное объяснения; интерналистское и экстерналистское толкования; развитие; российский социум; типологическая интерпретация, этатистская и антропоцентристская интерпретации.

Ссылка для цитирования этой статьи:

Вершилов С.А. Типологическая интерпретация военной безопасности российского государства // Интернет-журнал «Мир науки» 2015 №2 <http://mir-nauki.com/PDF/14FILSMN215.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

Под *военной безопасностью* будем понимать такое «состояние репрезентативной практики социума, которое укореняет его качественную жизнеспособность в границах устойчивого существования, динамичного развития и эффективного проявления на предотвращение опасностей, вооружённого насилия и урона ценностям, а также те обстоятельства, что служат возникновению этого» [8]. В статье будет осуществлено обобщение типологии военной безопасности российского государства (далее – военная безопасность).

Основная особенность в контексте деятельностной составляющей военной безопасности заключается в том, что она представляется двояко: оборонно-охранительно или превентивно. Уяснить её можно и в ином типовом толковании: в понятиях «защитный» и «предупредительный». И если в первом случае военная безопасность, как осведомление о своей уязвимости, сосредоточена на уже имеющейся возможности катастрофы, то во втором – первоочередные акценты расставлены на потенциальном причинении вреда, что предполагает интерпретацию априорного адекватного ответа (целевого состояния).

Реализация предупредительной функции даёт возможность военной безопасности – как универсальному инструменту – локализовать («смягчить») отрицательное воздействие опасностей. Это своеобразно подметил в XIX-м в. военный теоретик Н.Н. Сухотин, который полагал: «Переменяются враги – одни защищают других; переменяются взаимные положения борющихся: то Русь отстаивается, то <...> нападет; переменяются ближайшие цели войны, то Русь борется за своё существование и отстаивает своё достоинство, то она идёт добывать утраченное и захваченное врагами в тяжёлые дни жизни России, то решительно двигается для покорения с целью расширения своего могущества и влияния» [40, с. 13].

Следует сосредоточить внимание на стремлении российского государства ко второму – предупредительному – типу военной безопасности. Подобная разновидность военной безопасности вобрала в себя как позитивную (с позиции выявления факторов риска и профилактических мер в военной области), так и негативную (с точки зрения прогнозирования вооружённых конфликтов) «энергии» субъектов. Последняя особенно «заявила» о себе в период «холодной» войны созданием и последующим наращиванием ядерного оружия, которое предназначалось для сдерживания опасностей (в том числе и вооружённых конфликтов), внедрения и поощрения стандартов превентивной войны.

Однако негативная составляющая превентивной модели военной безопасности требует более подробного объяснения. Так, в предыдущей (2010 г.) Военной доктрине Российской Федерации в качестве одной из особенностей вооружённых конфликтов нового тысячелетия подчёркивалась невозможность прогнозировать их возникновение¹. Поскольку не оказались воспринятыми практически иные разночтения, замечания и дополнения к сказанному, постольку трудно было согласиться с постулатом, не допускающим других толкований. Тем не менее, их необходимо выразить: во всём ли многообразии вооружённых конфликтов достигает пределов узаконенное в Военной доктрине суждение? Кроме того, важно уяснить и то, что и каким образом следует прогнозировать. От этого во многом будет зависеть качество адекватного решения полномочных субъектов по мобилизации сил военной безопасности и их деятельность по достижению поставленной цели.

Действительность убеждает в том, что ряд субъектов военно-политической практики в период становления нового миропорядка проявляет стремление к применению всевозможных средств, находящихся в их распоряжении. По оценке Р. Розоффа: «Никакое вооружённое восстание, подобное тому, что мы видим в Сирии, не могло бы начаться, как и в Ливии и ранее,

¹ См.: «О Военной доктрине Российской Федерации». Указ Президента Российской Федерации от 5.02.2010 г. № 146 // Российская газета. 2010. 10 февраля. Ст. 13, п. «а».

<...> в Косово, Югославии (Украине – С.В.), если бы его участники не осознавали, что их поддержат существенные внешние силы» [38]. В такой ситуации укоренённые культурные стандарты деятельности, практические рекомендации права или морали, императивы общеизвестных обычаев войны оказываются на втором плане.

В результате слияния различных незаконных организаций, которые готовы для осуществления целей углублять свою особую «специализацию» и идти на что угодно, произрастают самые неординарные конгломераты. Конечно, это увеличивает возможность возникновения вооружённых конфликтов. Словом, если не предусматривать указанное, то для обеспечения военной безопасности будет «размыто» осмысление начального «старта» опасности в качестве меток потенциального причинения ущерба.

Кроме того, в эпоху глобализации самым противоречивым построением сочетаются две культуры: современной техники и простейших орудий труда. К месту и ко времени следует представить оценку А.А. Зайцова, хотя она и прозвучала в середине прошлого века: «Наряду со всё ускоряющимся развитием военной техники налицо и совершенно противоположное этому явление – всё возрастающая роль партизанской, или, по существу дела, самой примитивной культуры ведения войны. <...> Наблюдается протест слабых против современной военной техники» [19, с. 509, 510]. С вышеназванным суждением солидарен бывший министр обороны США Р. Гейтс. Представитель американской военно-политической элиты полагает, что варианты ведения боевых операций, в которых Майкрософт сочетается с мачете, а технология «Стелс» «конкурирует» с камикадзе – полностью возможны [11, с. 26]. Подобные «протест» и «сочетание» затрудняют репрезентативную практику полномочных субъектов военной безопасности по выявлению зарождающихся конфликтов, что, в свою очередь, может «подтолкнуть» её обеспечение к реализации имперского сценария развития.

Сложность и неоднозначность прогнозов вооружённых конфликтов заключается и в том, что в ряде обстоятельств появление новых опасностей для военной безопасности стало обычным делом, когда не оказывается в наличии привычных территориальных порогов. Это приводит к тому, что конфликтообразующая среда «растекается» далеко за границы отдельно взятого суверенного образования, «охватывая соседние регионы». И тогда возможность проявления переломного уровня военной безопасности становится реальностью в любом временном интервале, поскольку «внезапно» возникшие вооружённые конфликты, оказывается, имели продолжительное время своего предварительного созревания, которое может быть подвержено анализу и действительно ему подвергается. В этой связи должна проявиться культура субъектов, которая деятельностными приёмами смогла бы обеспечить анализ вызовов российскому государству. Такие практики целесообразно применять в разветвлённой системе блокировки вооружённых конфликтов на основе механизма по их предотвращению и / или прекращению.

Утверждение о непредсказуемости кризисных ситуаций не в полной мере увязывается и с другими положениями доктринальных документов Российской Федерации в сфере обеспечения военной безопасности. Например, в уже новой Военной доктрине (2014 г) обнаруживается следующее положение: «Российская Федерация обеспечивает постоянную готовность Вооружённых Сил, <...> к сдерживанию и предотвращению военных конфликтов...»². При этом термин «предотвращение» применяется в Военной доктрине и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. не один раз. В такой ситуации возникает правомерный вопрос: насколько необходимо производить деятельность по сдерживанию и предотвращению того явления, появление которого не представляется

² Военная доктрина Российской Федерации. Ст. 19. Утв. Президентом РФ // Российская газета. № 298. 30 декабря 2014.

возможным спрогнозировать? Теряется сам смысл и актуальная потребность осуществления конкретного прогноза в вызревании того или иного вооружённого конфликта.

Вместе тем указанное в Военной доктрине представлено основными задачами Российской Федерации по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов. Среди них справедливо отмечены, например, оценка и прогнозирование развития военно-политической обстановки на глобальном и региональном уровнях, состояние межгосударственных отношений в военно-политической сфере с использованием современных технических средств и информационных технологий. Доктринальным документом актуализирована и нейтрализация возможных военных опасностей политическими, дипломатическими и иными невоенными практиками. Указывается на необходимость поддержания Вооружённых сил и иных силовых структур в заданной степени готовности к боевому применению.

Важно заметить, что обнаруженные в вышеназванном документе Российской Федерации мыслительные ошибки актуализируют постановку правомерного вопроса относительно наличия в них социально-философского подхода. Категоричное толкование о невозможности прогнозирования вооружённых конфликтов может также повлечь за собой – пусть и не значительные – досадные промахи, связанные с некоторыми организационно-штатными изменениями. Так, потребует своего решения вопрос о дальнейшей необходимости в сужении деятельности определённых организаций, чьё предназначение: добывание и анализ латентной информации (выявление военной опасности). Например, в соответствии с формальным постулатом Военной доктрины сужаются функции Главного разведывательного управления Генштаба ВС РФ и, в какой-то степени, Службы внешней разведки. Не предполагает ли афишированное суждение о непредсказуемости вооружённых конфликтов освобождение вышеназванных организаций от «культурного бремени» по разведке и анализу информации, выработке рекомендаций (адекватного ответа) для использования Вооружённых сил?

Кроме того, не следует полностью соглашаться с представленными в Военной доктрине отдельными статьями о характерных чертах и особенностях вооружённых конфликтов в эпоху глобализации³. Непонятно, что подвигло разработчиков доктринального документа разъединить тождественные понятия. Согласно Словарю русского языка С.И. Ожегова, особенность – это характерное, отличительное свойство кого-чего-нибудь, а характерный – это свойственный кому-чему-нибудь⁴. Следовательно, слова «характерные черты» и «особенности» являются одинаковыми по значению и только разными по написанию, то есть синонимами. Представляется, что авторы увидели между сравнимыми совместимыми понятиями некоторое отличие. Если так, то о нём необходимо было заявить конкретно.

Это только одно утверждение Военной доктрины, но важно также заметить, что в ней присутствует и ряд иных положений, при которых одна мысль исключает другую, несовместимую с ней. При таком подходе заявление о непредсказуемости вооружённых конфликтов кажется незначительным. Тщательный анализ доктринального документа позволил осознать и иные ляпсусы, удостоверяющие недостаточный уровень их методологической базы по отношению к военной безопасности. Субъект военно-политической практики, которому предложено разрабатывать важный документ, должен обладать основательным образованием, достаточным объёмом сведений об объекте исследования, склонностью к дедуктивному и индуктивному мышлению. Всё это сложно компенсировать только натуральной способностью, поскольку отмеченные свойства достигаются большим временным интервалом самообразования, эвристической и научной деятельностью.

³ См.: Военная доктрина Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации. Ст. 15. // Российская газета. № 298. 30 декабря 2014 г.

⁴ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 20-е изд. стереотип. М.: Рус. Яз., 1988. С. 373, 703.

В соответствии с вышеизложенным, с необходимостью возникает вопрос о должной культуре рассмотрения доктринальных документов государства в сфере военной безопасности. Представленные же в Военной доктрине противоречивые оценки стали результатом не открытого, а закрытого характера обсуждения, предшествовавшего появлению Указа Президента РФ по утверждению стратегически важного документа. Безусловно, проблемных вопросов оказалось бы значительно меньше, если бы интерпретация принципиальных положений Военной доктрины была более прозрачной, а в её обсуждении приняли участие признанные специалисты. Очевидно, что в целях повышения качества подготовки и исполнения документов по военным вопросам надо привлекать к работе над ними независимые (неведомственные) аналитические центры.

Имеющиеся методологические погрешности и неточности в Военной доктрине могут повлечь за собой «размытость» принимаемых приказов и директив, чьё предназначение будет прямо или косвенно связано с деятельностью составляющей субъектов военной безопасности. По Конфуцию, «если начинают с неправильного, то мало надежды на эффективное завершение» [2, с. 35]. В такой ситуации типовая – защитная или превентивная – практика полномочных «агентов» военной безопасности в качестве осознания уязвимости (военной опасности и образа врага) окажется мало продуктивной. Необходимо признать правомерной точку зрения С.А. Мелькова, утверждающего важным обстоятельством «актуальность изучения сегодня <...> не столько состояние защищённости россиян от реальных и возможных военных опасностей, сколько деятельность государства и других политических институтов по укоренению превентивного типа военной безопасности» [31].

В контексте идеологической составляющей важно обозначить интерналистскую и экстерналистскую типологические интерпретации военной безопасности. Формирование любой из названных моделей, по В.П. Прыткову, «невозможно (или безуспешно) без идеологического обеспечения» [37]. Экстерналистское толкование основано на закрытости – военная безопасность реализуется через отстранение от «врага» посредством установления предела. Интерналистское – «провозглашает» трансграничность, то есть отсутствие границы в первом смысле этого слова, но с активным стремлением к получению влияния на другие территории для «своих» и «растворением» на них «чужих».

Экстерналистские тенденции на макроуровне были свойственны военной безопасности России в прошлом столетии, реализовываясь в противостоянии идеологий стран Варшавского Договора и государств Северо-атлантического альянса. Однако следует заметить, что в XX в., пусть и частично, обнаружил своё проявление и другой её тип – трансграничный: война с Польшей, финская война, события в Прибалтике, западной Украине и Белоруссии. Так, согласно В.А. Махонину, «при наступлении на Варшаву (1920 г. – С.В.) целью “отклонения” направления удара Красной Армии на север был скорейший выход к германской границе, что также должно было ускорить установление советской власти в Германии» [30, с. 9].

В новом тысячелетии, вследствие объективных процессов глобализации, трансграничность военной безопасности, по сути, превратилась в условие коммуникативного обмена предпосылками существования. Это отражается, например, в попытках создания, хотя и медленного, продуктивной идеологии. Очевидно, что для настоящего времени актуально сочетание и того (интерналистского) и другого (экстерналистского) типов военной безопасности, хотя наблюдается доминирование второго – экстерналистского. В этой связи, согласно М. Хардту и А. Негри, локальный (российский не является исключением из правила – С.В.) социум «выступает как культурный концепт в силу того, что является и может быть лишь коллективом, ведущим совместную борьбу» [55, с. 134].

К сожалению, сегодня значительно влияние на модель военной безопасности российского государства со стороны Запада, сфокусированного, по М.Ван Кревельду, на

«навязывание повсюду своих идей» [25, с. 484] и утверждающего при этом существенную мобилизационную стратегию сохранения только своей идеологии. Ничем иным, как недальновидностью следует назвать подобную «трансграничность» США и некоторых западноевропейских государств: решать сложные вопросы военной безопасности с позиции «огня и меча». По оценке Е.М. Примакова, «ошибаются те политики на Западе, которые исходят из такого видения <...>. К чему приводит политика, не считающаяся с многополярным устройством современного мира, показали события начала XXI века» [36, с. 6, 27].

Однако ощущение растущей военной опасности для российской культурной идентичности в пределах всё тех же глобализационных процессов одновременно усиливает идеологическое дистанцирование друг от друга, способное, по мысли некоторых учёных, перейти в стадию вооружённого противоборства. В данном случае важно отметить идеи отечественных исследователей: М.Н. Полторанина – о «власти в тротиловом эквиваленте» [35], В.Т. Третьякова – о «путях реализации интересов России» [43]. Не следует забывать работы А.В. Турчина – о «пути к теоретической истории» [44] и «сценариях конца света» [45], С.А. Тюшкевича – о «новой военной идеологии передела мира» [47] и «безопасности России в условиях мирового кризиса» [46]. Так, последний учёный утверждает: «Снижение воспитательного и морально-нравственного воздействия культуры и науки на россиян препятствует их мобилизации на обеспечение своей военной безопасности» [46].

Следует назвать и гипотезы некоторых зарубежных учёных. Например, И. Валлерстайна – о «современном кризисе идеологии либерализма» [5, 6, 7], Д. Джекобс – о «перспективе Средневековья» [15], Д. Грея – о «культуре на закате современности» [13]. Небезынтересны исследования Э. Тоффлера и Х. Тоффлера – о «выживании на рассвете XXI века» [42], Ф. Фукуямы – о «сильном в военном отношении государстве» [49] и «конце истории» [50], С Хантингтона – о возможном «столкновении цивилизаций» [52, 53, 54], М.Ван Кревельда – о «кризисе государственных устоев» [24].

По мнению И. Валлерстайна, «социум идёт к острому военному, социальному и идеологическому конфликту, <...> где каждый борется за свой кусок пирога. В ближайшей перспективе это, в целом, неприятная (печальная) картина» [7, с. 94]. В свою очередь, Э. Тоффлер и Х. Тоффлер полагают, что «утверждение идеологии цивилизации новой волны также сопровождается военными конфликтами» [42, с. 46]. В этой связи важно признать: Запад продолжает ориентировать («подталкивать») идеологию военной безопасности российского государства к такому её типу, в котором будет реализовываться противопоставление «свой – чужой» сквозь призму формирования образа врага.

Развернувшаяся в последние десятилетия в отечественной и зарубежной литературе полемика о законности и сути военной идеологии подразумевает вполне приемлемую интерпретацию. Во-первых, сочетание приёмов и навыков исследуемого явления, как правило, обнаруживает себя в общественном сознании, в том числе и склонного к теории, а во-вторых, само оказывается под влиянием этого сознания: регулируется и направляется существенными позициями россиян. Указанное применительно к интерналистскому и / или экстерналистскому моделям военной безопасности требует более подробной аргументации.

Важно согласиться с мнением А.Г. Дугина о том, что «главный интерес России – не в интеграции в мировое “содружество”, а в сохранении её уникальности, отстаивании самобытности перед вызовом Запада и традицией Востока» [18, с. 167]. Международная интеграция при этом выступает в качестве предпочтительного средства, а не цели соотечественников. Такой подход не означает полного изоляционизма (безграничности в первом смысле слова), но устанавливает предел возможных (негативных) культурных заимствований с Запада и Востока. Имеющиеся репрезентативные практики субъектов военной безопасности полагают признание того, что

утверждение «своего» всегда следует параллельно отрицанию «чужого», поскольку и то, и другое постоянно «сопровождают» историческую и военно-политическую культуру российского социума.

Действительно, внешние условия выступают лишь в качестве факторов влияния на военную безопасность, но не являются внутренними источниками и средствами её формирования. Они могут либо сдерживать протекание в ней процессов и реализацию приоритетных направлений, либо способствовать их развитию, но не имеют возможности остановить, ибо речь идёт о надёжном отстаивании национальных интересов. Наконец, международные условия окажут положительное влияние на интернационалистский тип военной безопасности лишь в том случае, если отказаться от прозападных стандартов, которые как сети «заманивают» наше государство в целях ослабления его военной и экономической мощи.

Это ограничит стремление США быть единственной страной, конституирующей мир, и в одностороннем порядке влиять на принятие многих глобальных военно-политических решений. В этой связи становится понятной мысль А.Ю. Маруева о том, что «очень важно сформировать <...> идеологию, которая в сфере международных отношений была бы направлена на превращение России в державу, способную оказывать влияние на ход мировых процессов, исходя из возможностей своей национальной культуры» [29, с. 8]. В такой ситуации на идеологическом уровне военной безопасности обнаружила бы своё утверждение тенденция постепенного снижения опасностей возникновения вооружённых конфликтов.

Необходима также культура последовательного формирования, перед «лицом» новых вызовов, гражданского общества, способного адекватно осуществлять контроль за военно-политической модернизацией страны. Процесс взаимодействия военной организации и общества в имеющихся отечественных научных исследованиях интерпретируется термином «военно-гражданские отношения». Так, Л.В. Певень не без основания полагает: «Военно-гражданские отношения – один из важных компонентов военной политики, под которыми понимают систему взглядов, отношений и институтов, направленных на создание, подготовку и применение военной силы [33, с. 39]. Очевидно, что они отражают совокупность функциональных взаимодействий, формируемых обществом и силовыми структурами, в том числе, и по части ручательства военной безопасности.

Поэтому в политической организации страны военно-гражданские отношения являются и субъектом, и объектом идеологии. Россия создаёт, модернизирует и применяет свои Вооружённые силы для достижения конкретных целей. В таком контексте военно-гражданские отношения выступают объектом управления, на который сфокусировано воздействие основных субъектов военной безопасности. В то же время они остаются весьма значимым идеологическим средством, с помощью которого партии и движения, различные слои общества, государство в целом проявляют интенцию к защите своих интересов. Следовательно, военно-гражданские отношения органично связаны с идеологическим уровнем военной безопасности.

Важным условием реализации идеологического контекста военной безопасности российского государства является система воспитания патриотизма профессионалов силовых структур, представляющая собой модификацию своего аналога советского периода. Следует отметить, что она не в полной мере соответствует складывающейся обстановке по характеру основных параметров, поскольку, будучи безграничной (в значении слова – закрытой, дистанцированной от «врага»), не способна к самоорганизации. По-видимому уровень патриотизма – «возвышение общественного перед личным» [34, с. 135] – российских военнослужащих в начале XXI в. свидетельствует о серьёзной контрпродуктивности имеющейся системы.

Так, осуществление государственной программы «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2008-2010 годы» в армии, по оценке Д.А. Алексеенко, было стеснено отсутствием

адекватного современным условиям педагогического механизма и технологий [1]. И действительно, на заседании Правительства РФ в апреле 2010 г. был констатирован факт – указанная программа не выполнена. Между тем патриотизм может выступить скрепой обеспечения военной безопасности России, которая обеспечит её социокультурное и политическое единство, предоставив возможность в XXI в. жить с уверенностью и историческим оптимизмом, достойно применив имеющееся наследие. Это объясняется наличием опасности того, что нашим соотечественникам в перспективе, возможно, понадобится отстаивать национально-государственные интересы различными способами, памятуя и о военных. Представляется, что своевременно уяснить свою уязвимость (военную опасность) с интерналистской позиции смогут только квалифицированно подготовленные специалисты, идейно преданные своему Отечеству.

Очевидно профессиональный уровень офицерского состава оказывает воздействие – позитивное и / или негативное – на тип военной безопасности. Точно по этому поводу заметил К. Шмитт: «Только образованный народ в смысле таких качеств, как воля и самосознание, является нацией, <...> поскольку лишь образованный муж способен тщательно различать между своими личными интересами и интересом целого и подчинить одно другому» [57, с. 169]. Реализация подобного подхода будет способствовать формированию интерналистской направленности в подготовке офицерского корпуса. В этом случае трансграничность военной безопасности станет отождествляться с активной интенцией полномочных субъектов к осуществлению воздействия на «других» для «своих», учитывая национальные интересы.

Вместе с тем в обеспечении военной безопасности утвердилась и экстерналистская направленность подготовки офицеров. В начале XXI в. это проявилось в том, что военная реформа началась без одобрения общественности. Указанное было обусловлено рядом обстоятельств, некоторые из которых представлены ниже.

Актуальная потребность в проведении военной реформы детерминирована, в том числе и событиями августа 2008 г. в Южной Осетии. Согласно В.Н. Лобову, «было бы ошибкой считать конфликт августа 2008 г. на Южном Кавказе законченным» [9]. Россия не могла позволить застать себя врасплох к возможному (новому) вооружённому противоборству на постсоветском пространстве. И поскольку реально возобладало осознание своей уязвимости, постольку Верховный Главнокомандующий ВС принял политическое решение о действительном проведении военной реформы, к сожалению, неподготовленной идеологически.

Органы военного управления и офицерский состав морально не были готовы к кардинальным преобразованиям российского военно-политического руководства, потому что и те и другие, зачастую, выступают едва ли не самыми консервативными социальными группами по отношению к нововведениям. К тому же объявленные офицерскому корпусу носителями власти обязательства социального характера не реализовывались в полном объёме и своевременно. Очевидно, что российское руководство идеологически «не сняв» транспарентные и / или латентные противодействия офицеров новациям в военной сфере, кратно активизировало свои действия по интересующему вопросу.

В начале 2000-х гг. Президента РФ заверили и доложили, в частности, это сделал занимавший в то время должность Министра обороны С. Иванов, что военная реформа – равно как и профессиональная подготовка офицеров – проведена успешно [17]. И несмотря на то, что ряд аналитиков, научных исследователей, политических и общественных деятелей высказывали иную – противоположную – точку зрения, заявляя о незавершённости реформы, Верховный Главнокомандующий ВС РФ всё же положительно воспринял «миф» первой позиции. С подобным подходом Президента России, по мнению С.А. Мелькова, «пришлось считаться всем в нашей стране, в том числе и органам военного управления» [32, с. 72]. Тем

самым непродуктивной интерпретацией осведомлённости в уязвимости, связанная с формированием качественно новой генерации офицерского корпуса, оказалась пролонгированной и второстепенной. В этой связи важно заметить, что указанная опасность в качестве маркеров возможного причинения ущерба военной безопасности полномочными субъектами идеологически была оценена не должным образом.

Культура выделения финансовых и материальных средств на реальную подготовку офицеров установленным порядком потребовала бы от отечественной военно-политической элиты объективно прояснить, как минимум, две позиции: а) анализ событий августа 2008 г. и выводы из случившегося; б) презентацию ветвям власти и формирующемуся гражданскому обществу программы модернизации подготовки профессиональных военных. По-видимому носители власти не были готовы к этому, посему не обеспокоились сказанным в предыдущем предложении и кулуарно приняли необоснованное – без скрупулёзной экспертизы – военно-политическое решение. В такой ситуации идеологическая подоплёка проявилась в неадекватном способе дистанцирования российского руководства от продуктивного «вращения» офицерской генерации, что отрицательно сказывается на гарантированном обеспечении военной безопасности и в настоящее время.

Незадолго до вооружённого конфликта с Грузией значительные преференции в военном ведомстве получила экстерналистски настроенная «команда» с неограниченными возможностями в пределах своей ответственности, которую возглавил (теперь уже экс-Министр обороны – С.В.) А.Э. Сердюков. Следует подчеркнуть, что идеологические манипуляции (согласно А. Камю, «мифы и абсурды, <...> не ведущие к Богу») [20, с. 249] этой «команды» в силу военно-политической значимости её главного предназначения – создания нового облика Вооружённых сил РФ – практически никто не мог контролировать. Но как раз бесконтрольность со стороны гражданского общества – хотя оно имеет право знать, как тратятся деньги налогоплательщиков – за «военными приготовлениями» и приводит к такому малопродуктивному типу военной безопасности, который необходимо афишировать экстерналистским.

Следующим обстоятельством собственно военного характера является наличие надёжного механизма разработки, обсуждения и внедрения передовых идей военной науки в репрезентативную практику полноправных агентов военной безопасности. Идеологи проводимой реформы до недавнего времени не использовали должным образом этот потенциал – по И.Н. Воробьёву и В.А. Киселёву – «философии военного дела» [10, с. 41]. Поэтому для военной науки становится значимым и новая интерпретация роли и средств вооружённого насилия в эпоху глобализации, и формулирование иных идеологически важных положений на перспективные особенности процесса интерналистского типа военной безопасности. К месту и ко времени следует продемонстрировать утверждение М.Д. Капланова: «Требуется осмысление и определение культурных (идеологических – С.В.) стратегий, <...> формирующих мировоззрение каждого члена общества, способное обеспечить поведенческую модель в условиях неустойчивости безопасности личности и общества <...> и нарастающих <...> рисков» [21].

Подобная интерпретация идеологии подразумевает утверждение её триединого начала: базового, методологического и духовно-практического. Очевидно, что первая часть идеологической составляющей военной безопасности предполагает некоторую совокупность взглядов на военную сферу общества. В дальнейшем базовая скрепа превращается в начало методологическое, становясь ключом, способным «открывать» перспективы развития военной науки. Словом, теоретическое сочетание взглядов на обеспечение военной безопасности имеет методолого-прогностическое предназначение, связанное с получением инновационного знания по интересующему вопросу. Своё выражение оно находит в различных футурологических концепциях, конструирующих интерналистскую или экстерналистскую модели военной безопасности государства.

Военная безопасность позволяет определить и осуществить конкретные пути объективации теоретических прогнозов. В этом случае её духовно-практическая часть отражается в соответствующих программах и концепциях. Как раз знание данной части трансформирует теоретические взгляды в идеи, которые отражают отношение российского социума к одному из рассматриваемых типов предмета исследования.

По всей вероятности, сама идеология, в качестве одной из форм общественного сознания, обладает политическим свойством, поскольку предполагает в своей культурной репрезентации непрерывную связь власти с областью военной безопасности. Следует согласиться с Р.М. Тимошевым в том, что «военная идеология как составная часть проявления общей идеологии, отражая военную сферу общества, представляет собой теоретические взгляды и идеи, фиксирующие отношение <...> в целом к военной безопасности, войне и другим формам вооружённого насилия, а также к армии как орудию осуществления политики» [41, с. 15]. Это, по-видимому, реализуется в пределах оппонирования «свой – чужой», что и создаёт предпосылки для идеологического отображения необходимой культурной конструкции «военная опасность – военная безопасность» российского государства.

В результате указанного знаки военной опасности для соотечественников проявятся уже не просто в идеологически нейтральных маркерах уязвимости, а в метках «чуждости». В этой связи символы военной безопасности непременно «наполнятся» идеологической окраской «своего», так как окажутся вне досягаемости (из-за дистанцирования) «врага», сохранив при этом материальные и духовные основы мобилизационного ресурса на достижение поставленной цели. Привлечение к подобной работе значительной части научной общественности, в том числе и учёных силовых структур, позитивно отразится как на формировании адекватной военной идеологии, так и на утверждении интерналистски направленного типа военной безопасности государства.

Однако в современных условиях указанное имеет неоднозначное и в значительной степени отвечающее противоречивому характеру духовной трансформации российского социума качество мышления. По мнению В. Бессонова, «никто не говорит, что думать запрещено, или собственные мысли нежелательны. Но желательные мысли производятся в таких масштабах, что собственное мышление тонет в их массе» [3]. На самом деле далеко не всё в складывающихся обстоятельствах реализуется на основе необходимого – идеального – типа военной безопасности (например, уже упомянутая в Военной доктрине РФ невозможность прогнозирования вооружённых конфликтов). Именно это следует подчеркнуть по поводу военной идеологии российского общества, поскольку сущая репрезентативная практика носителей власти предполагает регистрацию её основных идеально-практических положений, ориентируясь только на очевидные концептуальные взгляды обеспечения военной безопасности.

Тем не менее, не подлежит сомнению следующее: продуктивное или неэффективное решение частного вопроса – военной безопасности – во многом (по упомянутому Р.М. Тимошеву – «всегда») будет зависеть от наличия или отсутствия наиболее общего императива – военной идеологии. Следовательно, последняя лишь в том случае может оказаться позитивным инструментом практических интенций российского социума в сфере военной безопасности, когда последовательно и в полной мере будут разработаны её теоретическая и прогностическая составляющие. Пока же, согласно С.А. Мелькову, «вряд ли <...> целесообразно говорить о какой-либо целостной и разделяемой политической и военной элитой нашей страны военной идеологии» [31].

На третьем – этическом – уровне военной безопасности усматривается её двойственность. А именно, условное размежевание на выживание и благополучие абстрактной общности (государства) – этатизм и на сбережение социума – антропоцентризм. В пределах многообразных репрезентативных практик полномочных «агентов» военной безопасности эти

тенденции оказывались в разных соотношениях. При этом первая – в большинстве случаев – доминировала над второй, что порой предопределяло ошибочную парадигму концептуального утверждения военной безопасности. Так, А.В. Малашенко и Д.В. Тренин относительно чеченской войны (конец XX – начало XXI вв.) утверждают о том, что «она поставила фундаментальные этические проблемы гражданско-военных отношений, к решению которых силовые структуры государства <...> и общество в целом оказались совершенно не готовыми» [28, с. 115].

И всё же гармоничное сочетание двух тенденций – благополучия государства и сбережения соотечественников – было характерно для начального этапа становления и развития российской государственности (XI-XIII вв.), во время агрессии Франции (1812 г.) и Германии (1941-1945 гг.). В рассмотренные периоды военная безопасность одновременно выступала и безопасностью государства, неотъемлемой от «сплетения» с антропоцентричностью. Важно заметить, что в остальное время наблюдалось доминирование её этатистской модели над личной.

Учёт данных обстоятельств позволяет актуализировать несходство между этатистским и антропоцентристским образами военной безопасности. Разумеется, что разговор (равно как и применительно к двум её предыдущим типологиям – на деятельностном и идеологическом уровнях) необходимо вести о превалирующей интенции указанной научной проблемы, нежели о наличии её конкретных типов в «чистом виде». Военная безопасность практически чаще всего опиралась на этатизм, хотя в качестве этической упорядоченности неоднократно утверждались и фрагменты её антропоцентристской репрезентации.

Кстати, подобное характерно и для эпохи глобализации, несмотря на то, что в военную безопасность соотечественников периодически «включается» определённый набор социальных проблем. Очевидно подобное подтверждает только тот факт, что российская власть наконец-то начала принимать в расчёт внутривнутриполитический аспект развития социума, значительно обусловленный качеством культурных отношений в нём. Например, его право участвовать в разработке, принятии и реализации стратегических военно-политических документов. Важно подчеркнуть, что в современной военной политике России данная тенденция выражается в выявлении рисков в обществе. Это производится, по мысли А.В. Брега, «посредством соразмерной оценки изменений в поведении российского социума и установлении превентивных границ, к примеру, мониторинга и локализации «призывов» националистических сил или не системной оппозиции» [4, с. 15, 16].

Следовательно, военная безопасность государства реже выступала в качестве антропоцентристской, оказываясь в то же время и явлением этатистски направленного типа. Чаще, начиная примерно с X-го в., она была тесно связана с религией. В эпоху же глобализации российский социум предстаёт «обманутым» мифами рассуждений элиты о военной безопасности. В данном случае он утрачивает стремление к её антропоцентристскому типу, в очередной раз, перепоручая его этатистскому, согласно Т. Гоббсу, «Левиафану», который имеет армию и иные силовые структуры.

При этом основополагающая либеральная аксиома – свобода личности, на базе которой первоначально устанавливалось представление о военной безопасности, в условиях расширения опасности сглаживается пристальным надзором за социумом со стороны государства. Указанная тенденция становится всё более устойчивой. В такой ситуации сигналом наступающей тревоги становится предупреждение М. Хайдеггера: «Однажды государственный аппарат окончательно пронижет и закрепит собою многоэтажную машину человеческой общительности» [51, с. 116]. В подобной ситуации для формирования военной безопасности необходимо такое поведение российского социума, в котором нет места

гегемонистскими устремлениями и конфликтам, а лейтмотивом стало бы стремление жить сообща и в гармонии.

Поэтому приметой времени можно считать тот факт, что философы – в границах современного постструктуралистского дискурса – зафиксировали почти полное воздействие элиты на российский социум. В этом проявилась их интенция направить мобилизационный ресурс военной безопасности в помощь личностному – антропоцентристскому – развитию и, тем самым, оппонировать государственным – этатистским, часто обременительным – репрезентативным практикам по столь «волнующему» вопросу. Действительно, увеличение потенциальной опасности для военной безопасности предполагает новую модель отношений общества и силовой составляющей государства. Её механизм должен сводить к минимуму возможность принятия управленческих решений в военном строительстве, которые не отражают интересы нации.

Вполне понятно, что российское государство утверждает стремление по защите соотечественников от возможного ущерба. Но нельзя не заметить и следующего: с ростом опасности и связанными с ней угрозами, рисками и вызовами «легитимно» актуализируются привилегии военно-политической элиты под видом «хлопот» об обществе. По мнению Л.Г. Фишмана, «из моральной сферы уходит представление о благе (безопасности – С.В.), которое подразумевает необходимость учитывать интересы других» [48, с. 25]. И тогда военная безопасность отражает некий «налёт» фальши, которым прикрывается её этатистский тип репрезентативной практики носителей власти. В аккурат, когда политический режим утрачивает свою легитимность, армия подчас оказывается единственной опорой, обеспечивающей его безопасность. В этих условиях правительство переходит к откровенной диктатуре, не желающей поддерживать даже подобие конституционности.

Ряд отечественных учёных полагают, что принятие мер по повышению уровня управляемости военной (как, впрочем, и другими) сферой российского социума безотлагательно предполагает реализацию подхода, в соответствии с которым активный субъект власти в обязательном порядке – правовой. Это должно стать, согласно В.Н. Щекотихину, «ведущим ориентиром становления сильного государства» [58, с. 120]. Важно подчеркнуть, что разговор идёт не столько о государственном назначении, сколько о специфических практиках претворения властных функций и создании инструментов для их реализации. И такую точку зрения не следует игнорировать. На самом деле, этатизм выступает в качестве существенной части структурного среза военной безопасности в контексте определяющей роли государства, задающего этический порядок и общества, и отдельного россиянина.

Во взаимосвязи российской государственности и типа военной безопасности можно отметить две интенции этатизма. Первая – в антропоцентристском обществе этатизм выступает в качестве представления того, что государству принадлежит ведущая роль в формировании продуктивных условий для обеспечения военной безопасности и благополучия личности. В этой связи россияне выражают легитимность, то есть готовность сотрудничать с государством и поддерживать его. Вторая интенция этатизма характерна для социоцентристского общества, которое сакрализирует государство, наделяет его в качестве творца военной безопасности сверхъестественными свойствами, преклоняется перед ним, полагая его воплощением мобилизации сил и средств по достижению причинённой цели. В эпоху глобализации подобное «удивительным» образом сочетается – пусть и в разном соотношении – в обеспечении военной безопасности России.

Материализация установок, ограничивающих пределы индивидуальной деятельности россиян, способствует, по Р.А. Лубскому, этатизации их взаимоотношений с государством [26]. Это и есть его экспансия в специфику обеспечения военной безопасности. Кроме того, история

России знает немало фактов, когда этатизм неоднократно воспринимался как доктрина, абсолютизирующая и обосновывающая роль государства в сфере военной безопасности. И, наконец, этатизм иногда интерпретируется в качестве императивной политики России, которая переходит границы рационального взаимодействия с культурой, стремится влиять на её проявления, тем самым «сковывая» и замедляя развитие последней. Очевидно, что рассматриваемая модель военной безопасности во многом актуализирована определённой совокупностью рефлексивных форм её толкования.

Это связано и с положением российского социума, который в качестве субъекта военной безопасности приобретает значимость сам по себе. Атомизация общества, с чем в современных условиях сталкивается Россия, сопровождается изменением взаимодействия личности и государства: на первый план выходят не институты, а сообщество, подчиняющее действия государства той обстановке, в которой оказывается личность. Данное обстоятельство расширяет его возможности для воспроизводства адекватного поведения субъектов по уяснению уязвимости от военной опасности. Правда оно подлежит осуществлению только с изменённой моделью власти, которая, по мнению И.В. Красавина, «обязана представлять вид контролирующей заботы и поддерживать контакт с индивидом, минуя традиционных коллективных посредников» [23].

Очевидно, что эмансипация личности требует новых форм организации военной безопасности соотечественников и неизбежно меняет основание власти. Но этическая власть российского социума и нормативно-правовое влияние государства – слова не тождественные. Свобода, с которой «познакомились» освобождённые от коллективизма россияне, значительно умеряет социокультурное пространство для эффективного регулирования личностного поведения.

Согласно А.В. Шиловцеву, выбор должного необходимо переформатировать на исполнение сущего, поскольку безопасность человека не может реализовываться вне ценностного пространства [56]. Словом, для воплощения этатистско-антропоцентристского типов предмета исследования неукоснительными правилами становятся, с одной стороны, соблюдение интересов России, а, с другой – формирование иерархии нравственной учтивости индивида. Важно также осознать, что приемлемый уровень военной безопасности государства могут обеспечить лишь такие её агенты, которые обладают адекватной деятельностью, идеологической устремлённостью и этической упорядоченностью. Поскольку в одночасье это невозможно претворить в жизнь, постольку необходима трудная и кропотливая работа в данном направлении.

Указанное в будущем может выступить своеобразной платой за совокупность обязательств, которую субъекты военной безопасности постепенно признают в себе. Не имея пока ещё прецедентов подобной организации, соотечественники не представляют футурологических результатов нынешних военно-политических проектов, поэтому их этическое должностное доведение довольно-таки смутно. В современных условиях наметился процесс исправления ситуации и его важно пролонгировать, поскольку рано или поздно репрезентативная практика агентов военной безопасности обнаружит себя в рутине воспроизводства должного сквозь многообразие сущего.

Однако в современных условиях реальность насилия и обострение различного рода опасностей для российского социума не придаёт ему уверенности на достойную жизнь, которая ознаменовалась бы продуктивным типом военной безопасности. Вооружённый конфликт с Грузией, непрекращающиеся теракты на территории России, просчёты в проведении военной реформы, появление «недружественных» соседей на её западных границах свидетельствуют о том, что благополучие личности остаётся одной из ключевых – нерешённых – проблем. Так, по мнению В.И. Лутовинова, «по-прежнему низким остаётся престиж Вооружённых Сил и

военной службы, которая уже мало кем воспринимается как почётная обязанность» [27]. Ему вторит И. Клименко: «Большая часть молодых людей считает службу в армии чем-то недостойным, а уклонение от неё <...> героизмом» [22, с. 17].

Итак, то или иное качество военной безопасности государства во многом зависит от типологической подоплёки, которой она будет представлена в контурах формирующегося нового миропорядка и контексте модернизационных процессов, разворачивающихся в России. Вместе с тем различные позиции ведущих западных государств по отношению к российскому социуму актуализируют потребность в учёте не одного, а ряда *вариантов проявления любого из рассмотренных типов военной безопасности*, что представляется значимым для выбора оптимального. Это поможет избежать ошибок в разработке и принятии необходимых решений по интересующему вопросу.

Первый вариант – военная безопасность может оказаться основанием – причём очень важным – для России в её становлении как самостоятельного и влиятельного субъекта мирового сообщества, который, являясь, своего рода, целым миром, должен защищать все его скрепы.

Для этого необходимы: сохранение и укрепление духа и традиций россиян; экономическая мощь; гармоничное вовлечение хозяйственного механизма в орбиту глобальной экономики; социальная стабильность; эффективное военное строительство; гибкая дипломатия, способствующая увеличению союзников и симпатизантов, а, следовательно, сокращению вероятных противников. В такой ситуации Россия окажется звеном, связывающим различные ареалы – западноевропейский, исламский, индийский, дальневосточный, взаимодействие с которыми обогатит деятельность, идеологию и поведение субъектов военной безопасности государства, даст дополнительный импульс её динамическому развитию.

По мере выхода военно-политической обстановки из-под контроля, когда цепная реакция конфликтов втянет в вооружённую борьбу значительную часть мирового сообщества, репрезентативные практики полномочных субъектов военной безопасности государства могут стать для противоборствующих сторон реальным балансиром. Именно к России будут обращаться страны, почувствовавшие внешнюю угрозу и имеющие какие-то интересы, объективно совпадающие с нашими. В военной безопасности государства могут увидеть: в одном случае – противовес сторонникам «огня и меча», в другом – самостоятельный центр силы, а в третьем – альтернативу конкретной международной коалиции, которая формирует опасности какому-либо государственному образованию.

Подобное функциональное партнёрство, отражающее достаточную меру союзничества, при высокой степени совпадения интересов сторон, понятно, актуально и целесообразно на национальном, региональном и глобальном уровнях. В эпоху глобализации начала XXI в. такой альянс будет не ослаблять, а укреплять наши позиции на международной арене. В этой связи можно согласиться с Д. Рогозиным в том, что «истинное – стратегическое – партнёрство с Западом при сохранении своей национальной идентичности и своей автономии – вот что должно быть» [59].

Но и в этом случае соотечественникам необходимо быть внимательными, поскольку есть ещё один существенный момент, который нельзя оставить без оценки. Дело в том, что в XXI в. в войнах и вооружённых конфликтах повсеместно используются «утончённые» правила нанесения вреда материальному и духовному благополучию противоположной стороны. И производится это в целях разрушения или ослабления её системы безопасности, а, в конечном счёте, для уничтожения или значительного стеснения определёнными условиями как субъекта военно-политической практики. По мнению И.С. Даниленко: «Так действовали исторические противники Российской империи и Советского Союза, так действуют и

противники Российской Федерации» [14]. Игнорирование вышесказанного будет «чревато чреватостями» для продуктивного типа военной безопасности российского государства.

Второй вариант предусматривает закрепление «статус-кво» – относительной зависимости – военной безопасности российского государства на сегодняшний день от Запада.

Это означает пролонгирование того курса в качестве «младшего» партнёра США, Европы и НАТО, который в планетарном масштабе проводится ими в жизнь до настоящего времени. Важно подчеркнуть, что такая политика оказывает «медвежью услугу» Российской Федерации, которая останется сырьевым придатком развитых стран мира, рынком сбыта залежалых второсортных продовольственных, военно-промышленных и интеллектуальных товаров. Культура протекционизма российского правительства в отношении западных компаний и фирм, поддержка частной торговли в ущерб развитию сферы производства приведёт к утере экономической самостоятельности. Иными словами, продвинет нас в экономический тупик. Уже сейчас Россия уступает собственные рынки сбыта, в том числе и военные, иностранному капиталу.

Вряд ли можно рассчитывать на серьёзную и бескорыстную помощь России, потому что Запад не станет собственными руками создавать себе конкурента на мировом рынке и самодостаточное в военном отношении культурное образование. На практике происходит следующее: не прекращаются попытки ограничить доступ России к передовым технологиям; продолжает иметь место неконтролируемый вывоз капитала и отдельных видов стратегического сырья; создаются искусственные препятствия полноправному участию Российской Федерации в международных механизмах военно-политического, технического и финансово-экономического сотрудничества. Следовательно, этот курс наносит ущерб военной безопасности государства, противоречит её историческим традициям, унижает чувство национальной гордости и ничего не даёт практически.

Третьим вариантом проявления военной безопасности российского государства является изоляционистский курс «железного занавеса» по периметру границ, а внутри страны – обстановка «осаждённой крепости», ксенофобия, ненависть ко всему иностранному.

Результатом может стать технологическая отсталость России от промышленно развитых мировых центров сил, государство рискует оказаться на обочине глобального научно-технического, военного и культурного прогресса. В такой ситуации, несмотря на то, что Россия, по меньшей мере, тремя – западной, восточной и южной – границами выходит на внешний мир, она не сможет являть собой самостоятельные геополитическое и геоэкономическое поля со своими интересами, которые бы реализовались по всем азимутам «сжавшейся» до единого пространства планеты. Российская Федерация потеряет возможность быть «мостом» между Западом и Востоком в традиционном понимании этого слова. Это понятно по одной той причине, что синтез евро-американской, азиатской и ближневосточной цивилизаций будет происходить в обстановке фактической изоляции страны на началах военно-политической и информационно-технологической автаркии.

Суть четвёртого варианта военной безопасности заключается в следующем: при утрате своей самостоятельности, экономическом, социальном и, особенно, военном ослаблении, кратно возрастёт степень целенаправленного расчленения России на отдельные части.

При таком развитии событий наше государство может превратиться не только в места «захоронения» опасных отходов, в первую очередь ядерных и химических. Действительно, обширная территория, удалённость от мест обитания и природные холодильники в виде вечной мерзлоты, согласно С.Ю. Глазьеву, позволяют это сделать лучше, чем в других странах [12, с. 144]. Велика вероятность и того, что страна окажется огромным полигоном проверки тактико-технических характеристик создаваемых за рубежом вооружений и боевой техники.

Представляется, что развитые страны и, прежде всего, США, будут активизировать свои действия по разрушению нашей военной структуры, сосредоточив основные усилия на ликвидации ракетно-ядерного потенциала России. А ведь именно он сегодня и на ближайшую перспективу является чуть ли не единственно сдерживающей репрезентативной практикой полномочных субъектов, обеспечивающих военную безопасность государства.

Исходя из отработанных навыков развязывания и ведения локальных войн, недружественные государства станут стремиться воздействовать на Россию так, чтобы сориентировать её военную безопасность исключительно на подготовку к вооружённым конфликтам малой интенсивности. Навязанные приёмы и способы подготовки государства только к указанным столкновениям логично приведут со временем к отказу от использования сдерживающих возможностей ядерного оружия. Но дело в том, что в условиях широкомасштабной войны возникнет непосредственная угроза существованию страны, вот тогда-то предупредительное действие ядерного оружия станет мотивированным. В условиях же локальной войны или вооружённого конфликта, когда реальна угроза, в худшем случае, развитию и функционированию отдельных элементов военной безопасности, вне всякого сомнения, применение такого оружия представляется избыточным.

Помимо вышесказанного, западными государствами может быть применена отработанная тактика развязывания вооружённых конфликтов с активным использованием третьих стран и отдельных экстремистских сил. В этой связи в качестве правомерной воспринимается оценка В.Б. Дердюка: «При помощи технологий “оранжевых революций” <...> “расширяется” пространство цивилизаций» [16, с. 8]. Подтверждением позиции исследователя являлись и / или являются события в Чечне, Дагестане, Южной Осетии, Абхазии, Киргизии, Ливии, Сирии, Ираке, Украине. Таков далеко не полный перечень примеров обозначенного подхода к выяснению реакции нашего государства на деструктивные действия подобного рода.

В свою очередь это позволит, с одной стороны, держать в напряжении российское государство, отвлекать его от решения созидательных задач, истощать материальные, финансовые и людские ресурсы, сковывать инициативу в ближнем и, тем более, дальнем зарубежьях. А, с другой – заинтересованным силам проверить степени уязвимости и реального получения адекватного ответа репрезентативными практиками субъектов военной безопасности России, определить максимально благоприятные для осуществления возможной в будущем агрессии направления. Наконец, с третьей стороны – переформатировать соответствующим образом свои стратегические планы по отношению к нашему государству.

Должные способы взаимодействия и формы объединения полномочных агентов военной безопасности не позволяют принять второй и четвёртый её варианты, хотя, по отношению к России, на подобном характере развития событий «настаивают» некоторые западные страны. Третье видоизменение предмета исследования несёт в себе определённую опасность самоизоляции и проблематично в осуществлении из-за подрыва совокупного потенциала нации, но внешние силы, заинтересованные в ослаблении нашего государства, провоцируют его вступление на этот путь. Приемлемой оценивается первая разновидность военной безопасности.

Российский социум далек от того, чтобы утверждать военную безопасность посредством конфронтации с кем бы то ни было. Так, авторы научного сборника «Россия и Китай: четыре века взаимодействия» считают большой ошибкой утверждения политиков и военных на Западе и Востоке, которые исходят из такого видения [39]. Необходимо подчеркнуть, что после распада СССР Российская Федерация остаётся самой большой в мире по территории страной. В её недрах – до 50% всех извлекаемых природных ресурсов планеты. Родное Отечество обладает, несомненно, высоким интеллектуальным потенциалом. Наконец, по ядерному

оружию и возможностям его доставки Россия соизмерима с США. Уже только что перечисленное говорит само за себя.

Таким образом, репрезентативная практика влиятельных субъектов военной безопасности государства отражает состояние защищённости россиян от имеющихся опасностей, а необходимо удостоверить их деятельность по укоренению её превентивной модели. Идеологический контекст агентов военной безопасности в большей степени подвержен экстерналистской форме, хотя как раз интерналистская интерпретация помогает установить характер реконструкции интересующего пространства, разработать и утвердить мировоззренческое воздействие на противоборствующую сторону. Этатизм и антропоцентризм в качестве поведенческих символов полномочных носителей военной безопасности находятся в неодинаковом соотношении друг к другу: первый – в большинстве случаев – доминируют над вторым, что порой приводит к ошибкам в решении возникающих проблем по волнующему вопросу.

Подобное выступает своеобразной «платой» за ту репрезентативную практику, которую влиятельные субъекты военной безопасности длительное время превратно принимали на себя и следовали ей. Отсутствие же внимания к положительным прецедентам её организации умеряет их роль в реализуемых военно-политических проектах, что отдаляет плодотворное выполнение ими деятельностных, идеологических и этических обязательств перед российским социумом на неопределённое время. В современных условиях наметился процесс исправления ситуации и его важно пролонгировать, поскольку рано или поздно репрезентативная практика агентов военной безопасности обнаружит себя в рутине воспроизводства должного сквозь многообразие сущего.

Типы военной безопасности объединяет их идеальность, а не существование в «чистом виде». Победы или поражения её субъектов необходимо воспринимать с учётом типового извлечения, воплощённого ими, ценностей и идей, объединивших их, а также того, что они сочли более или менее значимым. Предпочтительная интенция военной безопасности предусматривает типологическую приверженность и соответствие мерилам: превентивность – в деятельности; интернализм – в идеологии; антропоцентризм – в этике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеенко Д.А. Социально-педагогические условия повышения эффективности систем патриотического воспитания военнослужащих. URL: www.bibliofond.ru/view.aspx (обращение 31.01.2014).
2. Белозёров В.К. Военная доктрина Российской Федерации о непредсказуемости конфликтов // Проблемы безопасности. Электронное научное издание. 2011. № 2(12). С. 23-35.
3. Бессонов В. Пропаганда и манипуляция как инструменты духовного порабощения. URL: psyfactor.org/propaganda2.htm (обращение 25.02.2014).
4. Брега А.В. Политический риск в обеспечении военной безопасности: теория и основы управления. Автореф. дисс. ... докт. полит. наук. М., 2007. 46 с.
5. Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. 256 с.
6. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. М., 2001. 416 с.
7. Валлерстайн И. О современном кризисе // СОЦИС. 2009. № 6. С. 91-94.

8. Вершилов С.А. Сущность и значение военной безопасности в бытии государства сквозь призму социально-философского анализа // Интернет-журнал «Мир науки». 2015. №1. URL:<http://mir-nauki.com/PDF/23FILSMN115.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
9. Вооружённый конфликт в Южной Осетии и его последствия. Ассоциация военных политологов. М.: Красная звезда, 2009.
10. Воробьёв И.Н., Киселёв В.А. Роль военной науки в формировании нового облика Вооружённых Сил России // Военная мысль. 2011. № 2. С. 40-48.
11. Гейтс Р. Сбалансированная стратегия // Россия в глобальной политике. 2009. № 2. С. 20-32.
12. Глазьев С.Ю. Геноцид. М.: ТЕРРА, 2003. 320 с.
13. Грей Д. Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности. М., 2003. 368 с.
14. Даниленко И.С. Заветы русского гения о благе и безопасности Отечества // Военно-философский вестник. 2008. № 2. С. 3-11.
15. Джекобс Д. Закат Америки. Впереди Средневековье. М., 2006. 264 с.
16. Дердюк В.Б. Цивилизационная безопасность России в условиях глобализации // Проблемы безопасности. Электронный научный журнал. 2010. № 2(10). С. 2-10.
17. Дубров Г.К. Роль офицерского корпуса в обеспечении безопасности Российского государства / Доклад на общероссийском офицерском собрании 21 февраля 2009 года. URL: [htt:www.zrd.stb.ru/news/2009news-139.htm](http://www.zrd.stb.ru/news/2009news-139.htm) (обращение 4.02.2014).
18. Дугин А.Г. Философия политики. М.: Арктогея, 2004. 614 с.
19. Зайцов А.А. Военно-философский парадокс. В кн. Грозное оружие: Малая война, партизанство и другие виды ассиметричного воевания в свете наследия русских военных мыслителей. М.: Военный ун-т; Русский путь, 2007. 780 с.
20. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / Сумерки богов. Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. Перевод А.М. Руткевича. М.: Политиздат, 1990. С. 228-318.
21. Капланов М.Д. Проблемы формирования культурных стратегий безопасности в условиях усиления социальных рисков // Вестник Адыгейского государственного университета. 2009. № 2. URL: cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-kulturnyh-strategiy-bezopasnosti-v-usloviyah-usileniya-sotsialnyh-riskov (обращение 14.02.2014).
22. Клименко И. Нравственность и безнравственность в наши дни. М.: Перо, 2011. 118 с.
23. Красавин И.В. Этическая организация сообщества: власть, свобода и управление идентификацией // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. Выпуск № 7. URL:www.online-science.ru/m/product/philosophy_science/gid290/pg0/ (обращение 10.03.2014).
24. Кревельд М.Ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2011. 544 с.
25. Кревельд М.Ван. Американская загадка. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2008. 549 с.
26. Лубский Р.А. Этатизм: методологические проблемы научного исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. Выпуск

- № 1. URL: www.online-science.ru/m/product/philosophy_science/gid290/pg0/ (обращение 9.03.2014).
27. Луговинов В.И. Военная доктрина и требования времени. URL: <http://vpk-news.ru/articles/7.107> (обращение 11.03.2014).
28. Малашенко А.В., Тренин Д.В. Время Юга: Россия в Чечне и Чечня в России. М.: Гендальф, 2002. 265 с.
29. Маруев А.Ю. Военные аспекты формирования геополитических интересов и геостратегии России // Военная мысль. 2009. № 1. С. 2-8.
30. Махонин В.А. Государственная идеология и внешние войны: четыре века российского опыта // Военная мысль. 2011. № 5. С. 3-18.
31. Мельков С.А. Некоторые аспекты формирования идеологии военного развития России. URL: www.rudocs.exdat.com/docs/index-331249 (обращение 22.02.2014).
32. Мельков С.А. Реформа военного образования России – политический фактор военной безопасности // Проблемы безопасности. 2011. № 2(12). С. 70-84.
33. Певень Л.В. Методологические вопросы исследования военно-гражданских отношений // Армия и общество. 2008. № 4. С. 39-46.
34. Петрий П.В. Армия современной России и её духовные основы // Военно-философский вестник. 2008. № 2(02). С. 133-137.
35. Полторанин А.В. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М., 2010. 512 с.
36. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость. М.: ИИК «Российская газета», 2009. 239 с.
37. Прытков В.П. Неустрашимость и амбивалентность идеологии // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. URL: www.teoria-practica.ru/ru/2014/2-2014.html (обращение 23.03.2014).
38. Розофф Р. НАТО может атаковать Сирию, несмотря на вето России. URL: <http://news.mail.ru/politics/8013133/> (обращение 2.02.2014).
39. Россия и Китай: четыре века взаимодействия / Под ред. А.В. Лукина. М.: Весь мир, 2013. 704 с.
40. Сухотин Н.Н. Война в истории русского мира. СПб., 1898. 58 с.
41. Тимошев Р.М. К проблеме формирования военной идеологии // Вестник военного университета. 2007. № 3(11). С. 3-20.
42. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Война и антивоина. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М.: АСТ, Транзиткнига, 2005. 412 с.
43. Третьяков В.Т. Наука быть Россией. Наши национальные интересы и пути их реализации. М., 2007. 768 с.
44. Турчин П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. / Пер. с англ. М., 2010. 368 с.
45. Турчин П.В. Война и ещё 25 сценариев конца света. М., 2008. 336 с.
46. Тюшкевич С.А. Безопасность России в условиях мирового кризиса // Военно-философский вестник. 2008. № 2 (02). С. 12-16.

47. Тюшкевич С.А. Новый передел мира. М.: Проспект, 2003. 288 с.
48. Фишман Л.Г. Кризис морали как кризис идеологий? // Пространство и время. 2014. № 1(15). С. 19-25.
49. Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. 224 с.
50. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 588 с.
51. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
52. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. М.: АСТ, 2003. 603 с.
53. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. 480 с.
54. Хантингтон. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. 368 с.
55. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
56. Шиловцев А.В. Проблема сущего и должного в морфологии феномена “социальная безопасность личности” // Теория и практика общественного развития. Электронное периодическое издание. 2014. № 2. URL:www.teoria-practica.ru/ru/2014/2-2014.html (обращение 23.03.2014).
57. Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили. М.: Изд. дом Гос. ун-та – ВШЭ, 2010. 272 с.
58. Щекотихин В.Н. Этатизм и его роль в укреплении современной государственности: зарубежный опыт и российские тенденции // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2008. № 1. С. 115-122.
59. Юргенс И. России необходима интеграция страны в обновлённый блок (НАТО). URL: <http://news.mail.ru/politics/4414171/> (обращение 10.09.2014).

Vershilov Sergey Anatolievich

Branch of the Military educational-scientific center of Military-air forces “Military-air academy”

Russia, Krasnodar

E-mail: vershil@mail.ru

Typological interpretation of military safety of Russian state

Abstract. The article is devoted to the analysis of typology military safety of Russian state. The author represents at the active level protective and preventive explanations; on the ideological – internalist and externalist interpretations; on the valuable – etatistic and anthropocentric interpretations of the military security of the Russian state. Particular attention is focused on the demonstration of the awareness of the Russian society about their vulnerability and the formation of an adequate response. The conclusion is formulated that these types of the military security unites their perfection, but not the existence in «pure form».

Keyword: active; ideological and valuable level; development; etatistic and anthropocentric interpretations; internalist and externalist interpretations; military safety; protective and preventive explanations; Russian society; typological interpretation.

REFERENCES

1. Alekseenko D.A. Sotsial'no-pedagogicheskie usloviya povysheniya effektivnosti sistem patrioticheskogo vospitaniya voennosluzhashchikh. URL: www.bibliofond.ru/view.aspx (obrashchenie 31.01.2014).
2. Belozеров V.K. Voennaya doktrina Rossiyskoy Federatsii o nepredskazuemosti konfliktov // Problemy bezopasnosti. Elektronnoe nauchnoe izdanie. 2011. № 2(12). S. 23-35.
3. Bessonov V. Propaganda i manipulyatsiya kak instrumenty dukhovnogo poraboshcheniya. URL: psyfactor.org/propaganda2.htm (obrashchenie 25.02.2014).
4. Brega A.V. Politicheskiy risk v obespechenii voennoy bezopasnosti: teoriya i osnovy upravleniya. Avtoref. diss. ... dokt. polit. nauk. M., 2007. 46 s.
5. Vallersteyn I. Posle liberalizma. M., 2003. 256 s.
6. Vallersteyn I. Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire. M., 2001. 416 s.
7. Vallersteyn I. O sovremennom krizise // SOTsIS. 2009. № 6. S. 91-94.
8. Vershilov S.A. Sushchnost' i znachenie voennoy bezopasnosti v bytii gosudarstva skvoz' prizmu sotsial'no-filosofskogo analiza // Internet-zhurnal «Mir nauki». 2015. №1. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/23FILSMN115.pdf> (dostup svobodnyy). Zagl. s ekrana. Yaz. rus., angl.
9. Vooruzhennyy konflikt v Yuzhnoy Osetii i ego posledstviya. Assotsiatsiya voennykh politologov. M.: Krasnaya zvezda, 2009.
10. Vorob'ev I.N., Kiselev V.A. Rol' voennoy nauki v formirovaniy novogo oblika Vooruzhennykh Sil Rossii // Voennaya mysl'. 2011. № 2. S. 40-48.
11. Geyts R. Sbalansirovannaya strategiya // Rossiya v global'noy politike. 2009. № 2. S. 20-32.
12. Glaz'ev S.Yu. Genotsid. M.: TERRA, 2003. 320 s.
13. Grey D. Pominki po Prosveshcheniyu. Politika i kul'tura na zakate sovremennosti. M., 2003. 368 s.
14. Danilenko I.S. Zavety russkogo geniya o blage i bezopasnosti Otechestva // Voенно-filosofskiy vestnik. 2008. № 2. S. 3-11.
15. Dzhekobs D. Zakat Ameriki. Vpered i Srednevekov'e. M., 2006. 264 s.
16. Derdyuk V.B. Tsivilizatsionnaya bezopasnost' Rossii v usloviyakh globalizatsii // Problemy bezopasnosti. Elektronnyy nauchnyy zhurnal. 2010. № 2(10). S. 2-10.
17. Dubrov G.K. Rol' ofiterskogo korpusa v obespechenii bezopasnosti Rossiyskogo gosudarstva / Doklad na obshcherossiyskom ofiterskom sobranii 21 fevralya 2009 goda. URL: [htt://www.zrd.stb.ru/news/2009news-139htm](http://www.zrd.stb.ru/news/2009news-139htm) (obrashchenie 4.02.2014).
18. Dugin A.G. Filosofiya politiki. M.: Arktogeya, 2004. 614 s.
19. Zaytsov A.A. Voенно-filosofskiy paradoks. V kn. Groznoe oruzhie: Malaya voyna, partizanstvo i drugie vidy assimetrichnogo vovaniya v svete naslediya russkikh voennykh mysliteley. M.: Voenny un-t; Russkiy put', 2007. 780 s.

20. Kamyu A. Mif o Sizife. Esse ob absurde / Sumerki bogov. Sost. i obshch. red. A.A. Yakovleva. Perevod A.M. Rutkevicha. M.: Politizdat, 1990. S. 228-318.
21. Kaplanov M.D. Problemy formirovaniya kul'turnykh strategiy bezopasnosti v usloviyakh usileniya sotsial'nykh riskov // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 2. URL: cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-kulturnyh-strategiy-bezopasnosti-v-usloviyah-usileniya-sotsialnyh-riskov (obrashchenie 14.02.2014).
22. Klimenko I. Nravstvennost' i beznравstvennost' v nashi dni. M.: Pero, 2011. 118 s.
23. Krasavin I.V. Eticheskaya organizatsiya soobshchestva: vlast', svoboda i upravlenie identifikatsiy // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2013. Vypusk № 7. URL: www.online-science.ru/m/product/philosophy_science/gid290/pg0/ (obrashchenie 10.03.2014).
24. Krevel'd M.Van. Rastsvet i upadok gosudarstva. M.: IRISEN, 2011. 544 s.
25. Krevel'd M.Van. Amerikanskaya zagadka. M.: IRISEN, Mysl', 2008. 549 s.
26. Lubskiy R.A. Etatizm: metodologicheskie problemy nauchnogo issledovaniya // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2013. Vypusk № 1. URL: www.online-science.ru/m/product/philosophy_science/gid290/pg0/ (obrashchenie 9.03.2014).
27. Lutovinov V.I. Voennaya doktrina i trebovaniya vremeni. URL: <http://vpk-news.ru/articles/7.107> (obrashchenie 11.03.2014).
28. Malashenko A.V., Trenin D.V. Vremya Yuga: Rossiya v Chechne i Chechnya v Rossii. M.: Gendal'f, 2002. 265 s.
29. Maruev A.Yu. Voennye aspekty formirovaniya geopoliticheskikh interesov i geostrategii Rossii // Voennaya mysl'. 2009. № 1. S. 2-8.
30. Makhonin V.A. Gosudarstvennaya ideologiya i vneshnie voyny: chetyre veka rossiyskogo opyta // Voennaya mysl'. 2011. № 5. S. 3-18.
31. Mel'kov S.A. Nekotorye aspekty formirovaniya ideologii voennogo razvitiya Rossii. URL: www.rudocs.exdat.com/docs/index-331249 (obrashchenie 22.02.2014).
32. Mel'kov S.A. Reforma voennogo obrazovaniya Rossii – politicheskii faktor voennoy bezopasnosti // Problemy bezopasnosti. 2011. № 2(12). S. 70-84.
33. Peven' L.V. Metodologicheskie voprosy issledovaniya voenno-grazhdanskikh otnosheniy // Armiya i obshchestvo. 2008. № 4. S. 39-46.
34. Petriy P.V. Armiya sovremennoy Rossii i ee dukhovnye osnovy // Voенно-философский вестник. 2008. № 2(02). S. 133-137.
35. Poltoranin A.V. Vlast' v trotilovom ekvivalente. Nasledie tsarya Borisa. M., 2010. 512 s.
36. Primakov E.M. Mir bez Rossii? K chemu vedet politicheskaya blizorukost'. M.: IIK «Rossiyskaya gazeta», 2009. 239 s.
37. Prytkov V.P. Neustranimost' i ambivalentnost' ideologii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 3. URL: www.teoria-practica.ru/ru/2014/2-2014.html (obrashchenie 23.03.2014).

38. Rozoff R. NATO mozhnet atakovat' Sيريyu, nesmotrya na veto Rossii. URL: <http://news.mail.ru/politics/8013133/> (obrashchenie 2.02.2014).
39. Rossiya i Kitay: chetyre veka vzaimodeystviya / Pod red. A.V. Lukina. M.: Ves' mir, 2013. 704 s.
40. Sukhotin N.N. Voyna v istorii russkogo mira. SPb., 1898. 58 s.
41. Timoshev R.M. K probleme formirovaniya voennoy ideologii // Vestnik voennogo universiteta. 2007. № 3(11). S. 3-20.
42. Toffler E., Toffler Kh. Voyna i antivoyna. Chto takoe voyna i kak s ney borot'sya. Kak vyzhit' na rassвете XXI veka. M.: AST, Tranzitkniga, 2005. 412 s.
43. Tret'yakov V.T. Nauka byt' Rossiey. Nashi natsional'nye interesy i puti ikh realizatsii. M., 2007. 768 s.
44. Turchin P.V. Istoricheskaya dinamika. Na puti k teoreticheskoy istorii. / Per. s angl. M., 2010. 368 s.
45. Turchin P.V. Voyna i eshche 25 stsenariiev kontsa sveta. M., 2008. 336 s.
46. Tyushkevich S.A. Bezopasnost' Rossii v usloviyakh mirovogo krizisa // Voennofilosofskiy vestnik. 2008. № 2 (02). S. 12-16.
47. Tyushkevich S.A. Novyy peredel mira. M.: Prospekt, 2003. 288 s.
48. Fishman L.G. Krizis morali kak krizis ideologii? // Prostranstvo i vremya. 2014. № 1(15). S. 19-25.
49. Fukuyama F. Sil'noe gosudarstvo. Upravlenie i mirovoy poryadok v XXI veke. M.: AST: AST Moskva: Khranitel', 2006. 224 s.
50. Fukuyama F. Konets istorii i posledniy chelovek. M.: KhRANITEL", 2007. 588 s.
51. Khaydegger M. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya / Per. s nem. V.V. Bibikhina. M.: Respublika, 1993. 447 s.
52. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsiy / Per. s angl. M.: AST, 2003. 603 s.
53. Khantington S. Politicheskyy poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh. M., 2004. 480 s.
54. Khantington. Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka. M., 2003. 368 s.
55. Khardt M., Negri A. Mnozhestvo: voyna i demokratiya v epokhu imperii. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2006. 559 s.
56. Shilovtsev A.V. Problema sushchego i dolzhnogo v morfologii fenomena "sotsial'naya bezopasnost' lichnosti" // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. Elektronnoe periodicheskoe izdanie. 2014. № 2. URL: www.teoria-practica.ru/ru/2014/2-2014.html (obrashchenie 23.03.2014).
57. Shmitt K. Gosudarstvo i politicheskaya forma / per. s nem. O.V. Kil'dyushova; sost. V.V. Anashvili. M.: Izd. dom Gos. un-ta – VShE, 2010. 272 s.
58. Shchekotikhin V.N. Etatizm i ego rol' v ukreplenii sovremennoy gosudarstvennosti: zarubezhnyy opyt i rossiyskie tendentsii // Vestnik VolGU. Seriya 4. 2008. № 1. S. 115-122.
59. Yurgens I. Rossii neobkhodima integratsiya strany v obnovlennyy blok (NATO). URL: <http://news.mail.ru/politics/4414171/> (obrashchenie 10.09.2014).